

Михаил Булгаков

Александр Пушкин

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
Б90

Б90 **Булгаков М.**
Александр Пушкин / Михаил Булгаков – М.: Книга по Требованию, 2012. –
44 с.

ISBN 978-5-4241-2702-1

ISBN 978-5-4241-2702-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Булгаков Михаил
Александр Пушкин

Михаил Булгаков
Александр Пушкин
Пьеса в четырех действиях
ДЕЙСТВУЮТ:

Пушкина. Строганов. Гончарова. Данзас. Воронцова. Даль. Салтыкова. Студент. Смотрительша. Офицер. Горничная девушка. Станционный смотритель. Битков. Тургенев. Никита. Воронцов. Дантес. Филат. Шишкин. Агафон. Бенедиктов. Преображенец 1. Кукольник. Преображенец 2. Долгоруков. Негр. Богомазов. Камер-юнкер. Салтыков. Василий Максимович. Николай I. Слуга. Жуковский. Квартальный. Геккерен. Жандармские офицеры. Дубельт. Жандармы. Бенкендорф. Полиция. Ракеев. Группа студентов. Пономарев. Толпа.

Действие происходит в конце января и в начале февраля
1837 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на стареньком фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов. Через открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. Угли тлеют в камине кабинета и в камине гостиной. Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепиано, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов. Часы под руками Биткова то бьют, то играют. Гончарова тихо наигрывает на фортепиано и напевает. За окном слышна вьюга.

Гончарова (напевает). ...и печальна и темна... Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя... Битков. Какая чудная песня. Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту, на мосту иду, господи!.. крутит! Вертит! И в глаза и в уши!..

Пауза.

Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил? Гончарова. Александр Сергеевич. Битков. Скажите! Ловко. Воеет в трубе, истинный бог, как дитя... Прекрасное сочинение.

Донесся дверной колокольчик. Входит Никита.

Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просит принять. Гончарова. Какой Шишкин? Никита. Шишкин, подполковник. Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могут. Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?.. Гончарова. Ах ты, боже мой, вспомнила... Проси сюда. Никита. Слушаю. (Идет к дверям.) Ах, неволя... ах, разорение... (Уходит.)

Пауза.

Шишкин (входя). Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке Алексей Петров Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погодка-то, а? Хозяин собаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь? А с кем имею честь говорить? Гончарова. Я сестра Натальи Николаевны. Шишкин. Ах, наслышан. Чрезвычайно рад нашему знакомству, мадемуазель. Гончарова. Veuillez-vous s'asseoir,

monsieur...[Присаживайтесь, сударь

(фр.)] Шишкин. Парле рус, мадемуазель [Parlez russe, mademoiselle. - Говорите

по-русски, мадемуазель (фр.)]. Благодарствуйте. (Садится.) Погодка-то, говорю, а? Гончарова. Да, метель. Шишкин. Могу ли видеть господина камер-юнкера? Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома. Шишкин. А супругу ихнюю? Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях. Шишкин. Ах, ведь этакая незадача! Ведь это что же, никак не застанешь. Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами. Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то

простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчугу и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями. Гончарова. Я знаю... Шишкин. Двенадцать с половиной, как одна копейка. Гончарова. А вы не могли бы еще потерпеть? Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надобно входить. Ведь туловище-то прокормить надо? А у меня сыновья, осмелюсь доложить, во флоте. Их поддерживать приходится. Приехал предупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего. Гончарова. Убедительно прошу подождать, Александр Сергеевич уплатит проценты. Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другие бы давно продали.

Персиянина упустить боюсь. Гончарова. У меня есть фермуар и серебро, может быть, вы посмотрели бы? Шишкин. Прошу прощенья, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин... Гончарова. Ну, помилуйте, как же так без вещей остаться? Может быть, вы

все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату. Шишкин. Ну что же, извольте. (Идет вслед за Гончаровой.) Квартирка славная
какая! Что плотите? Гончарова. Четыре тысячи триста. Шишкин. Дороговато! (Уходит с Гончаровой во внутренние комнаты.)

Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепиано, рассматривает ноты. Поколебавшись, входит в кабинет, читает названия книг, затем, испуганно перекрестившись, скрывается в глубине кабинета. Через некоторое время возвращается на свое место к часам в гостиную. Выходит Гончарова, за ней Шишкин.

Гончарова. Я передам. Шишкин. Векселек мы, стало быть, перепишем. Только уж вы попросите

Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота, в доме Борщова, в заду во дворе маленькие оконца... да они знают. О ревуар, мадемуазель [Au revoir, mademoiselle. - До свидания, мадемуазель (фр.)]. Гончарова. Au revoir, monsieur... [До свидания, сударь... (фр.)] Битков (закрывает часы, кладет инструменты в сумку). Готово, барышня, живут.

А в кабинете... я уж завтра зайду. Гончарова. Хорошо. Битков. Прощенья просим. (Уходит.)

Гончарова у камина. В дверях появляется Никита.

Никита. Эх, Александра Николаевна! Гончарова. Ну, что тебе? Никита. Эх, Александра Николаевна!

Пауза.

Вот уж и ваше добро пошло. Гончарова. Выкупим. Никита. Из чего же это выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна. Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надо мною? Никита. Не ворон я, чтобы каркать. Раулю за лафит четырехста целковых, ведь

это подумать страшно... Каретнику, аптекарю... В четверг Карадыкину за бюро заплатить надобно? А заемные письма? Да лихо бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедem в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали, и бессонница... Гончарова. Скажи Александру Сергеевичу сам. Никита. Сказывал-с. А они отвечают: ты надоел мне, и без тебя голова вихрем

идет. Как не надоест за тридцать лет!

Пауза.

Гончарова. Ну, Наталье Николаевне скажи. Никита. Не буду я говорить Наталье Николаевне, не поедет она.

Пауза.

А без нее? Поехали бы вы, детишки и он. Гончарова. Ополоумел, Никита? Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и

простор и удобство. Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди.

Никита уходит. Гончарова, посидев немного у камина, уходит во внутренние комнаты. Слышится колокольчик. В кабинет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней - Никита, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек. В глубине кабинета зажгли свет.

Никита (глуха в глубине кабинета). Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. (Выходит в гостиную.) Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас. Гончарова (выходя). Ага, сейчас.

Никита уходит в столовую.

(У двери кабинета.) On entre? (Входит в кабинет. Голос ее слышен глухо.) Alexandre, etes-vous indispose? [Можно войти? ... Александр, вам нездоровится? (фр.)] Лежите-лежите. Может быть, послать за доктором? (Выходит в гостиную, говорит Никите, который входит с чашкой я руками.) Раздевай барина. (Отходит к камину, ждет.)

Никита некоторое время в кабинете, а потом уходит в переднюю закрыв за собою дверь.

(Входит в кабинет. Слова ее слышны там глухо.) Все благополучно. Нет, нет...

Колокольчик. Никита входит в гостиную. Гончарова тотчас

выбегает к нему навстречу.

Никита (подавая письмо). Письмо Алек... Гончарова (грозит Никите, берет письмо). А, от портнихи... Хорошо. Скажи, что буду завтра днем. Ну, чего ты стал, ступай. (Тихо.) Тебе сказано, не подавать писем?

Никита выходит.

(Возвращается в кабинет.) Бог с вами, Александр, говорю же, от портнихи. Право, я пошлю за лекарем. Дайте я вас перекрещу. Что? Хорошо. Я умоляю вас не тревожиться.

Свет в кабинете гаснет.

Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задерживает ее портьерой. Читает письмо.

Прячет.

Кто эти негодяи? Опять, боже праведный! (Пауза.) В деревню надобно ехать, он прав.

Послышался стук. Глухо - голос Никиты.

Появляется Наталья Николаевна Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепиано. Близоруко шуруется.

Пушкина. Ты не спишь? Одна? Пушкин дома? Гончарова. Он приехал совсем больной, лег, просил его не беспокоить. Пушкина. Ах, бедный! Да немудрено, буря-то какая, господи! Нас засекло

снегом. Гончарова. С кем ты приехала? Пушкина. Меня проводил Дантес. Ну что ты так смотришь? Гончарова. Значит, ты все-таки хочешь беды? Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций. Гончарова. Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье? Пушкина. Ah, mon Dieu! [Ах, боже мой! (фр.)] Азя, это смешно. Ну что худого

в том, что beau frere [зять (фр.)] меня проводил?

Гончарова подает письмо Пушкиной. Пушкина читает.

(Шепчет.) Он не видел? Гончарова. Бог спас. Никита хотел подать. Пушкина. Ах, старый дуралей! (Бросает письмо в камин.) Несносные люди! Кто это делает? Гончарова. Это тебе не поможет. Сгорит это, но завтра придет другое. Он все

равно узнает. Пушкина. Я не отвечаю за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда. Гончарова. Зачем же ты мне-то говоришь так? Нас никто не слышит. Пушкина. Ну, хорошо, хорошо. Я сознаюсь, я точно виделась с ним один раз у

Идалии, но это вышло нечаянно. Я и не подозревала, что он придет туда. Гончарова. Таша, поедem в деревню. Пушкина. Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то

свора низких людей... презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет. Покинуть столицу? Ни с того ни с сего?

Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно. Гончарова. Тебе нельзя видеться с Дантесом. Неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И притом денежные дела так запутанны... Пушкина. Что же прикажешь мне делать? Натурально, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства. Гончарова. Я не понимаю тебя. Пушкина.

Не терзай себя, Азя, ложись спать. Гончарова. Прощай. Уходит.)

Пушкина одна, улыбается, очевидно, что-то вспоминает. В дверях, ведущих в столовую, бесшумно появляется Дантес.

Он в шлеме, в шинели, с палашом, запорошен снегом, держит в руках женские перчатки.

Пушкина (шепотом). Как вы осмелились? Как вы проникли? Сию же минуту

покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам! Дантес (говорит с сильным акцентом). Вы забыли в санях ваши перчатки. Я

боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. (Кладет перчатки на фортепиано, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.) Пушкина. Вы сознаете ли опасность, которой меня подвергли? Он за дверьми!

(Подбегает к двери кабинета, прислушивается.) На что вы рассчитывали, когда входили? А ежели бы в гостиной был он? Он запретил пускать вас на порог! Да ведь это же смерть! Дантес. Chaque instant de la vie est un pas vers la mort [Каждое мгновение

жизни - это шаг к смерти (фр.)]. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел. Пушкина. Он не потерпит, он убьет меня! Дантес. Из всех африканцев сей, я полагаю, самый кровожадный. Но не

тревожьте себя, он убьет меня, а не вас. Пушкина. У меня темно в глазах... что будет со мною? Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и

повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится. Пушкина. Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом. Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас, не заклиняйте меня. Пушкина. Уйдите! Дантес. Ах нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите

выслушать меня никогда. А между тем есть величайшей важности дело.

Надлежит слушать. Там... да? Иные страны. Скажите мне только одно слово, и мы бежим. Пушкина. И это говорите вы, месяц тому назад женившись на Екатерине, на моей

сестре? Вы и преступны, вы и безумны! Ваши поступки не делают вам чести, барон. Дантес. Я женился на ней из-за вас, с одной целью быть ближе к вам. Да, я

совершил преступление. Бежим? Пушкина. У меня дети. Дантес. Забудьте. Пушкина. О, ни за что! Дантес. Я постучу к нему в дверь. Пушкина. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину.

О, жестокая мука! Зачем, зачем вы появились на нашем пути? Вы заставили меня и лгать, и вечно трепетать... ни ночью сна, ни днем покоя...

Бьют часы.

Боже мой, уходите! Дантес. Придите еще раз к Идалии. Нам необходимо поговорить. Пушкина. Завтра на балу у Воронцовой, в зимнем саду, подойдите ко мне.

Дантес поворачивается и уходит.

(Прислушивается.) Скажет Никита или не скажет?.. Нет, не скажет, ни за что не скажет. (Подбегает к окну, смотрит в него.) О, горькая отравка!

(Подходит к двери кабинета, и прикладывает ухо.) Спит. (Крестится, задувает свечи и идет во внутренние комнаты.)

Тьма.

Потом из тьмы - зимний день.

Столовая в квартире Сергея Васильевича Салтыкова. Рядом

- богатая библиотека. Из библиотеки видна часть гостиной. В столовой накрыт завтрак. Филат стоит у дверей.

Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего

отечественного поэта Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант! Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич... Кукольник. Преображенцы, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество!

Преображенцы, двое, - сыновья Салтыкова - улыбаются.

Салтыкова. *Enchantée de vous voir...* [Очень рада вас видеть... (фр.)]

Чрезвычайно рада вас видеть, господин Бенедиктов. И Сергей Васильевич любит наших литераторов.

Следом за Бенедиктовым (скромным человеком в вицмундире)

подходит к руке Салтыковой хромой князь Петр Долгоруков.

Рада вас видеть, князь Петр Владимирович.

В столовой появляется Иван Варфоломеевич Богомазов.

Богомазов. Александра Сергеевна... (Подходит к руке Салтыковой.) А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу? Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить. Наверно, в книжной лавке

задержали. Богомазов (Долгорукову). Здравствуйте, князь. Долгоруков. Здравствуйте. Богомазов (Кукольнику). Был вчера на театре, видел вашу пьесу. Подлинное

наслаждение! Публики - яблоку негде упасть! Позвольте поздравить вас и облобызать. Многая, многая лета, Нестор Васильевич! Филат. Сергей Васильевич приехали. Кукольник (тихо Бенедиктову). Ну, брат, посмотришься сейчас.

Салтыков входит. Он - в цилиндре, в шубе, с тростью и С-фолиантом под мышкой. Ни на кого не глядя, следует к Филату. Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Долгоруков, Богомазов и Кукольник смотрят в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова.

Филат наливает чарочку водки. Салтыков окидывает невидящим взглядом группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается. Преображенцы улыбаются.

Салтыков (сам себе). Да-с, не угодно ли? "Секундус парс"! "Секундус"! [Secundus pars! Secundus! - Второй часть! Второй (лат.). Салтыков повторяет типографскую опечатку. Правильно - "secunda pars", так как слово "pars" женского рода. Достоверный факт - в библиотеке графа Салтыкова действительно была книга с указанной опечаткой.] (Смеется сатанинским смехом и выходит.)

Бенедиктов бледнеет.

Салтыкова. Mon goâti... [Мой муж... (фр.)] Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться... Знаем, знаем...

На отечественном языке говорят, Александра Сергеевна. Вы услышите, как

звучит наш язык в устах поэта. Салтыкова (Бенедиктову). Мой муж - страшнейший чудак. Я надеюсь, что это не

помешает вам чувствовать себя у нас без церемоний.

Салтыков возвращается. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом. Тут все обращают к нему оживленные лица.

Салтыков. А! Весьма рад! (Стучит по фолианту.) "Секундус парсе"! "Секундус"!

Преднамеренная опечатка, "Corpus юрис романи" [Corpus juris romani. Свод римского права (лат.)]. Эльзевир. (Преображенцам.) Здравствуйте, сыновья.

Преображенцы улыбаются.

Богомазов. Позвольте же поглядеть, Сергей Васильевич. Салтыков. Назад! Салтыкова. Серж, ну что это, право... Салтыков. Книжки не для того печатаются, чтобы их руками трогать. (Ставит

книгу на камин. Салтыковой.) Ежели ты только ее тронешь... Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне. Салтыков. Филат, водки! Прошу вас.

Закусывают.

Салтыкова. Прошу вас к столу.

Усаживаются. Филат подает.

Салтыков (глядя на руку Кукольника). А, вас можно поздравить? Кукольник. Да-с, государь император пожаловал. Долгоруков. Рука всевышнего вас наградила, господин Кукольник. Салтыков. Неважный перстенок. Кукольник. Сергей Васильевич! Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее... Филат! Что

там на камине? Филат. Книга-с. Салтыков. Не ходи возле нее. Филат. Слушаю. Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою молодым человеком император

Павел пожаловал мне звезду, усеянную алмазами необыкновенной величины.

Преображенцы косятся на Салтыкова.

А такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтора. Салтыкова. Серж, ну что ты говоришь?

Бенедиктов подавлен.

И все ты наврал, и никакой звезды у тебя нет. Салтыков. Ты ее не знаешь. Я ее прячу от всех вот уж тридцать семь лет с

табакерками вместе. Салтыкова. Ты бредишь. Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах,

которые раздают российские императоры. Только что видел... проезжал по Невскому... Le grand bourgeois [Первый буржуа (фр.)], в саночках, кучер Антип. Богомазов. Вы хотите сказать, что видели государя императора, Сергей

Васильевич? Салтыков. Да, его. Богомазов. У императора кучер Петр. Салтыков. Нет, Антип кучер у императора. Долгоруков. Ежели не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был

тогда же, что и с лошадей? Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Сие происшествие случилось позже, уже в царствование императора Александра. (Бенедиктову.) Итак, изволите заниматься поэзией? Бенедиктов. Да-с. Салтыков. Опасное занятие. Вот вашего собрата по перу Пушкина недавно в

Третьем отделении собственной его величества канцелярии отодрали. Салтыкова. С тобой за столом сидеть нет никакой возможности! Ну какие ты неприятности рассказываешь? Салтыков. Кушайте, пожалуйста, господа. (Салтыковой.) Ты напрасно так

спокойно относишься к этому, тебя тоже могут отодрать. Салтыкова. Перестань, умоляю тебя. Долгоруков. Между прочим, это, говорят, верно. Я тоже слышал. Только это

было давным-давно. Салтыков. Нет, я только что слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу,

человек орет. Спрашиваю, что такое? А это, говорят, барин, Пушкина дерут. Богомазов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские басни. Салтыков. Какие же басни? Меня самого чуть-чуть не отодрали однажды.

Император Александр хотел мою лошадь купить и хорошую цену давал, десять тысяч рублей. А я, чтобы не продавать, из пистолета ее застрелил. К уху приложил пистолет и выстрелил. (Бенедиктову.) Ваши стихотворения у меня есть в библиотеке. Шкаф "зет". Сочинили что-нибудь новое? Кукольник. Как же, Сергей Васильевич! (Бенедиктову.) Прочитай "Напоминание".

Преображенцы, вы любите поэзию, просите его!

Преображенцы улыбаются.

Салтыкова. Ах, да, да, мы все просим. Право, это так приятно после мрачных

рассказов о том, как кого-то отодрали. Бенедиктов. Право, я... я плохо помню наизусть... Салтыков. Филат, перестань греметь блюдом.

Бенедиктов.

Нина, помнишь ли мгновенье,

Как певец усердный твой,

Весь исполненный волненья,

Очарованный тобой...

В шумной зале...

Ах, право, я забыл... как... как...

Как вносил я в вихрь круженья

Пред завистливой толпой

Стан твой, полный обольщенья,

На ладони огневой,

И рука моя лениво

Отделялась от огней

Бесконечно прихотливой,

Дивной талии твоей;